

О.В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

THE CATEGORY OF COMMUNICATIVE FAIRNESS AS A PRAGMATIC PHENOMENON

Ключевые слова: категория справедливости, категориальная сущность, коммуникативная категория, дискурс коммуникативной справедливости, presupposition, социальное взаимодействие, социальные отношения

Keywords: category of fairness, categorical essence, communicative category, discourse of communicative fairness, presupposition, social interaction, social relations

*... По-видимому, слово - тот инструмент,
с помощью которого справедливое
отделяется от несправедливого
(Платон, 1994: 552)*

*... Речь способна выразить и то, что
полезно и что вредно, равно как и то, что
справедливо и что несправедливо
(Аристотель, 1983: 385).*

Категориальная сущность справедливости известна с античных времен. Одним из первых, кто обратил внимание на категорию справедливости, был Платон, который использовал данное понятие для объяснения существовавшего устройства общества. Платон исходил из того, что существует **политическая справедливость**, представляющая собой установление надлежащих отношений господства, которое основано на природных задатках людей, т.е. каждое сословие имеет четко очерченную сферу деятельности, выход за пределы которой расценивался Платоном как высшее преступление (Платон, 1994).

При этом Платон предложил критерии разграничения справедливых и несправедливых высказываний. Он отмечает, что «говорить правду, не вводить в заблуждение и приносить пользу - справедливо, а лгать, вредить и вводить в заблуждение - несправедливо» (Платон, 1994: 552). Акцентируя внимание на **этической** стороне справедливости, Платон подчеркивает, что, например, справедливо лгать врагам и несправедливо помогать им; справедливо помогать друзьям, обманывая для их же пользы, и несправедливо говорить им правду, которая нанесет им вред, т.е. согласно Платону, «лгать и говорить правду *в одно и то же время* оказывается и

справедливым, и несправедливым» (там же, с. 553). Очевидно, что идеи Платона затрагивают коммуникативную сторону категории справедливости, но его рассуждения остаются в рамках этическицентричного подхода, так как он не уделил внимания речевой и коммуникативной специфике данной категории.

Размышляя над политическим устройством общества, Аристотель также обратился к идее *политической справедливости*. В частности, он указал на существование ее многоаспектности (неоднозначности), которая заключалась в том, что «по мнению одних, со справедливостью связано благоволение к людям; по мнению других, справедливость заключается уже в том, чтобы властвовал человек более сильный» (Аристотель, 1983, Т. 4: 385). Аристотель соотносил идеи справедливости с государственным устройством, которые сводились к тому, что каждый человек выполняет функцию властвования или подчинения, соразмеримую с его физическими и душевными способностями, откуда вытекает определение справедливости, принадлежащее Аристотелю: справедливость есть *равенство*, «но только не для всех, а для равных», «вследствие этого одни люди по природе свободны, другие - рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо» (Аристотель, 1983, Т. 4: 459).

Дальнейший интерес к категории справедливости отмечен в эпоху Возрождения (Штраус, 2000: 278) и связан с рассмотрением категории справедливости как *правовой* (юридической) (Руссо, 1998). Так, согласно Руссо, проявление справедливости общей воли заключается в установлении *всеобщего равенства прав*: «С какой бы стороны мы ни восходили к основному принципу, мы всегда приходим к одному и тому же заключению, именно: общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода *равенство*, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться *одинаковыми правами*» (Руссо, 1998).

В XX веке проявился антропоцентрический поворот к категориальной сущности справедливости в связи с наличием многочисленных (иногда и противоречивых) толкований этой категории (см. подробнее: Дворкин, 1998; Макинтайр, 2000; Нозик, 2008; Рикёр, 2005; Ролз, 2006; Askerman, 1980; MacIntyre, 1988 и др.).

Одной из наиболее обсуждаемых является концепция *социальной* справедливости Дж. Ролза (Ролз, 2006), которая может быть сформулирована в виде следующих двух принципов: во-первых, каждое лицо, принимающее участие в какой-либо практике (деятельность, ограниченная системой правил, которые определяют должности, роли, действия, наказания, защитные мероприятия), или находящееся в сфере ее воздействия, *имеет равное право на наиболее обширную свободу* совместимую с такой же свободой для всех остальных; и, во-вторых, неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех и при условии, что то общественное положение и те должности, с которыми оно связано, или из которых оно вытекает, являются доступными для всех (Ролз,

2006: 36). Следует сразу отметить, что под равной свободой, упоминаемой в первом принципе, Дж. Ролз подразумевает именно равенство *политических* свобод (свободы слова, совести и т. п.), а под допускаемым вторым принципом неравенством — неравенство *экономическое*, заключающееся в неравном распределении материальных благ между участниками общей практики (Литвиненко, 2006). Указанные Дж. Ролзом принципы выражают справедливость в виде комплекса трех идей: свободы, равенства и вознаграждения за деятельность ради общего блага, где под *социальной справедливостью* понимается равное право на наиболее обширную свободу совместимую с такой же свободой для всех остальных (Ролз, 2006: 36).

Основываясь на идеях концепции «справедливости как честности» Дж. Роулза, Р. Дворкин представляет еще один яркий пример теории справедливости в политической философии. Он пытается показать, что в основе либеральной теории лежит концепция фундаментального *этического* равенства, из которого вытекает право каждого на равную заботу и уважение (Канарш, 2011: 85-88).

Критическим «ответом» на модель справедливости Дж. Ролза явилась теория Р. Нозика, основанная на четырех фундаментальных социально-философских постулатах: 1) идея естественной отделенности и независимости индивида; 2) концепция естественных прав; 3) идеи анархического порядка и минимального государства; 4) преимущественно экономический характер социальных связей. Указанные постулаты трактуются следующим образом. Индивиды обладают правами, которые носят естественный характер, так как существуют *до* и *независимо от* общества и государства. Таким изначальным естественным правам в теории Р. Нозика соответствует естественное состояние человеческого рода, которое он именуется состоянием естественной анархии. Развитие социальных отношений приводит к преодолению анархии и образованию государства, чья роль сводится к защите естественной свободы. Так, из такого понимания природы социальных связей Р. Нозиком, следует, что *общественная справедливость* – это правильность организации свободных обменов между людьми — собственниками своей свободы и своего имущества (Канарш, 2011: 85-88).

Согласно Р. Нозик, свобода, отраженная в нормах права и охраняемая государством, будет способствовать экономической деятельности членов общества, где *экономической справедливостью* является не справедливость перераспределения (например, как у Дж. Ролза), а исключительно совокупность правил, организующих социальное пространство свободного обмена товарами и услугами (Карнаш, 2011: 72-73). Не обходит стороной американский философ и понятие *политической справедливости*, которая в его интерпретации представляет собой право на равную защиту со стороны государства, так как государство выступает как гарант индивидуальной свободы, защищающий личность от произвола со стороны других.

Очевидно, можно констатировать наличие устойчивого интереса к феномену справедливости среди представителей различных школ и

направлений, что порождает большое количество противоречивых толкований данного понятия и, следовательно, некоторого рода его терминологическую неопределенность. Также обращает на себя внимание тенденция возрастающего интереса к категории справедливости с позиций ее *применимости*, т.е. ее коммуникативно-функционального (прагматического) потенциала в различных сферах деятельности человека – общественной, политической, экономической, правовой и этической.

На этом основании появляется возможность вести речь о таких разновидностях категории справедливости как, например, **социальная, политическая, экономическая, правовая и этическая**, в каждой из которых акцентируется *актуальный* аспект для той или иной области применения указанной категории. Например, в содержании социальной справедливости делается акцент на равный доступ всех «ко всему многообразию жизненных шансов» (Дарендорф, 1990) независимо от общественного положения (Ролз, 2006); а в содержании правовой справедливости – на установление равенства гражданских прав и обязанностей (Руссо, 1998). Содержание экономической справедливости раскрывает характер распределения материальных благ среди представителей общества (Ролз, 2006), а идея политической справедливости содержит принципы справедливого политического устройства социума (Платон, 1994; Аристотель 1983 и др.).

Кроме того, помимо актуальных (применимых) только в той или иной сфере признаков и свойств данной категории, можно выделить также ее *сквозной* содержательный признак. Например, сквозным признаком категории справедливости можно считать идею **равенства** или **пропорционального неравенства** прав, свобод и обязанностей граждан по отношению друг к другу. Однако этот признак, являясь *неотъемлемой* частью категории справедливости, может *по-разному* раскрываться и интерпретироваться в разных областях применения рассматриваемой категории. Например, в содержании **политической** справедливости делается акцент на равенство (или пропорциональное неравенство) прав граждан той или иной социальной категории участвовать в управлении государством; в **экономической** справедливости – на равенство (или пропорциональное неравенство) экономического распределения; в **правовой** – на наличие равенства (или пропорционального неравенства) в гражданских правах; в **социальной** справедливости – на равенство (или пропорциональное неравенство) прав совместимое с интересами других людей; в **этической** справедливости – на равенство (или пропорциональное неравенство) в правах на свободу и уважение.

Другими словами, признак равенства / пропорционального неравенства является *сквозным (гиперонимическим)* для категории справедливости вообще, несмотря на различную (иногда взаимопротиворечивую) его интерпретации в различных сферах применения данной категории, а также на разнообразие идей равенства и пропорционального неравенства в пределах одной сферы (ср., например, трактовку политической справедливости у Платона и Р. Нозика).

Наличие указанного сквозного признака говорит о том, что категория справедливости едина (но многоаспектна и комплексна) и состоит из разновидностей областей ее применения, составляющих комплексный содержательный объем данной категории. Схематично категорию справедливости можно представить следующим образом:

Схема представляет собой большой круг с надписью «Справедливость» и обозначает категорию всеобщей справедливости. Маленькие круги с надписями рассмотренных нами разновидностей категории справедливости обозначают соответственно разновидности категории справедливости. Как видно из схемы, области применения категории справедливости имеют площади пересечения друг с другом (см., например, пересечение социальной и политической справедливости), а также в центре схемы находится область, в которой пересекаются все разновидности категории справедливости.

Примечательно, что многоаспектность категории справедливости становится причиной того, что в повседневной деятельности человека возможны случаи, когда трудно разграничить указанные типы справедливости (что также подтверждается схемой выше). Например, в условиях социального взаимодействия одна и та же вербальная практика может включать несколько типов справедливости. В частности, речевые акты оскорбления и угрозы могут отражать нарушение как правовой, так этической и социальной справедливости, а политические предвыборные лозунги-обещания политиков могут, в свою очередь, выступать гарантами политической или социальной справедливости.

Больше того, одна и та же дискурсивная практика, например, угроза (1) «Я тебя убью!» может по-разному толковаться с позиций различных

областей применения категории справедливости. Так, если говорящий использует эту социальную практику для того, что бы каузировать собеседника к совершению определенных действий (для того, что бы собеседнику избежать более негативных последствий) указанием на менасивное воздействие (более подробно о менасивном воздействии и средствах его языковой репрезентации см.: Романов, Новоселова, 2012; 2012а; 2013; Новоселова, 2010; 2012; 2013; 2014), то с позиций правовой справедливости она справедлива, так как не нарушает гражданские права и свободы собеседника, в то время как с позиции этической справедливости она несправедлива, ибо связана с принуждением собеседника к совершению определенных действий. С другой стороны, если инициатор данной практики (1) выражает в ней свое обещание совершить указанное менасивное действие или же произносит ее перед выполнением менасивных действий, тогда имеем дело с правовой и этической несправедливостью, поскольку в ней идет речь о нарушении гражданского права человека на жизнь, а также о нарушении права на свободу и уважение в обществе.

Как показывают рассмотренные примеры, одна и та же дискурсивная практика может быть справедливой в одной сфере ее применения и несправедливой в другой, справедливой для одного из собеседников, но несправедливой для другого, а также справедливой или несправедливой для каждого из них. Очевидно, наличие этого противоречия требует пристального внимания к проявлению категории справедливости в коммуникативном аспекте. Учитывая тот факт, что любое явление или событие находит отражение в языке, а коммуникация отражает явления действительности, правомерно предположить, что возможно установить справедливость / несправедливость социальной естественно-языковой (коммуникативной) практики в каждом конкретном случае, *в момент употребления* той или иной практики, устанавливающей некоторое положение дел *в рассматриваемой сфере*, так как именно в социальной интеракции (коммуникативном взаимодействии) реализуются (проявляются) все намерения собеседников, их отношения друг к другу и выстраивается особая коммуникативная (социальная) реальность отношений между ними.

Однако, если возможно установить коммуникативную справедливость или несправедливость дискурсивных практик, то становится понятным, что может быть выделен и коммуникативный аспект категории справедливости, т.е. такая функционально-семантическая сфера, которая реализуется в коммуникативном пространстве. Кроме того, если коммуникативное взаимодействие характерно для всех сфер деятельности говорящего субъекта, то **коммуникативная** сторона категории справедливости будет представлять собой такой вид справедливости, который может быть реализован во всех сферах деятельности человека. С этих позиций указанные выше разновидности категории справедливости не являются изолированными друг от друга, так как они связаны между собой категорией коммуникативной справедливости. По этой причине коммуникативный аспект выступает в качестве их связующего звена и пронизывает все сферы жизнедеятельности

человека (см. выше на схеме область, где пересекаются все разновидности категории справедливости и которая является графическим отображением коммуникативной справедливости).

В этой связи представляется актуальным выяснить, что делает категорию коммуникативной справедливости справедливой по отношению к другим видам справедливости, а также какова природа ее единения с другими разновидностями справедливости? Кроме того, как уже отмечалось, несмотря на многоаспектность исследований категории справедливости, не был решен вопрос о справедливости как коммуникативной категории с позиции ее лингвистического описания. В частности, не решен ряд вопросов: на каких принципах *основывается* категория коммуникативной справедливости, каковы основные ее *характеристики* и *функциональные условия реализации*, а также какую регулятивную роль она играет в установлении отношений между коммуникантами и в каком дискурсивном пространстве проявляется и реализуется эта категория? Особый интерес представляет вопрос, где кроется коммуникативная справедливость – в семантике высказывания или в прагматическом (посткоммуникативном) эффекте результативности его реализации? Кроме того, важно выяснить, во-первых, имеет ли смысл рассматривать справедливость применительно к каждому из них (собеседников) по отдельности или же справедливость одна на всех? Во-вторых, может ли вообще категория справедливости быть применимой к коммуникативному взаимодействию, если в диалоге всегда имеет место распределение ролей – ведущего и ведомого, если каждый собеседник нацелен на достижение своих целей в процессе коммуникации?

Возвращаясь к выделенному нами сквозному (гиперонимическому) признаку справедливости, который основан на отношениях *равенства* и *пропорционального равенства*, отметим, что он применим и к категории коммуникативной справедливости. Действительно, указанные отношения, определяющие справедливость обмена дискурсивными практиками, применимы к коммуникативному взаимодействию, так как справедливость имеет место там, где присутствуют отношения между людьми, объективно требующие меры и пропорции (Аристотель, 1983), а коммуникация и представляет собой систему конструирования языковой картины мира и выстраивания отношений между коммуникантами на основе оценки каждым коммуникантом вклада в диалог его партнера (Романова, 2009).

Например, указанные отношения могут быть применимы к интерактивному взаимодействию на уровне организации коммуникативного поведения партнеров. Так, отношение равенства в распределении коммуникативных ролей для категории коммуникативной справедливости предполагает, что, с одной стороны, каждый коммуникант (не зависимо от его социального статуса, роли, целеполагания) обладает достаточным уровнем языковых знаний и имеет право высказывать свою точку зрения и выражать свое отношение к партнеру в процессе коммуникации. С другой стороны, каждый коммуникант способен интерпретировать на основе его языковых и иллокутивных знаний адресованные ему практики социальной

интеракции, оценивать их прагматическое эмоциональное воздействие и не / вербально реагировать на них. При этом важно иметь в виду, что в сущности распределения коммуникативных ролей уже заложено пропорциональное равенство, предполагающее наличие инициатора взаимодействия по тому или иному прагматическому фрейму, а также наличие ведомого коммуниканта. Подобное пропорциональное неравенство оправдано рамками жизненных сценариев и основано на знаниях коммуникантов о типе фреймового взаимодействия.

При этом важно отметить, что указанных признаков равенства и пропорционального равенства *недостаточно* для того, чтобы описать коммуникативную сущность категории справедливости, так как они затрагивают только организацию коммуникативного поведения партнеров в процессе интерактивного взаимодействия и не учитывает языковые и денотативно - референциальные параметры высказывания. Отсюда можно выдвинуть гипотезу, что справедливым будет являться истинное высказывание, отражающее реальное положение дел в момент его произнесения говорящим. Однако уже из античной идеи этической справедливости Платона следует, что «лгать и говорить правду *одновременно* будет и справедливым и несправедливым» (Платон, 1994: 553), что свидетельствует о том, что изложение реального положения дел не может являться критерием коммуникативной справедливости, так как мнения собеседников *субъективны*, потому что никто не обладает монополией на истину и установить истинность реального положения дел не всегда возможно.

По этой причине представляется целесообразным воспользоваться для определения коммуникативной справедливости высказывания таким понятием как «пресуппозиция», представляющей собой коммуникативную организацию некоторых *объективных* факторов действительности (Романов, 1988; 2005), которые являются общими как для говорящего, так и для слушающего (ср. с идеей Аристотеля о вненормативных основаниях или объективных обстоятельствах справедливости, только при наличии которых может иметь место норма справедливости: Кашников, 2001). Следовательно, пресуппозиция не допускает вариантов толкования высказывания, и может служить критерием отграничения справедливых высказываний от несправедливых в условиях реальной коммуникации. Кроме того, пресуппозиция свидетельствует о том, что коммуниканты находятся в одинаковой для каждого из них (одной и той же) прагматической ситуации, они взаимодействуют *здесь и сейчас* в рамках одного определенного жизненного сценария и каждый из них обладает определенным набором объективных знаний о ситуации.

В качестве указанных фактов, позволяющих автору более точно выразить свою коммуникативную интенцию, а слушающему вполне однозначно определить ее, служит учет прагматической, локальной, темпоральной и ситуативной пресуппозиций (Романов, 2005: 101). Так, согласно типологии пресуппозиций, предложенной А.А. Романовым,

прагматическая пресуппозиция представляет собой такую коммуникативную организацию объективных факторов, релевантных для конкретной речевой ситуации и способных отражать степень знаний о социально-ролевом статусе говорящего как автора (приказа, распоряжения, совета и т.д.) и слушающего как субъекта ожидаемого действия, право говорящего (как носителя определенной социальной роли) на произнесение конкретной формы высказывания.

Локальная пресуппозиция отличается от понятия «место протекания речевого акта», которое всегда конкретно – на улице, в комнате, в школе, в автобусе и коррелирует с речевой ситуацией, с ее типом. Локальная пресуппозиция включает в себя совокупность знаний о месте, которое соотносимо с иллокутивным характером высказываний. Совокупность таких знаний есть объективный фактор для коммуникантов, так как эти знания основаны на социальном опыте общества.

Темпоральная пресуппозиция указывает слушающему на то, почему именно в данный момент произнесено то или иное высказывание. Оценивается направленное высказывание с временным характером иллокутивной характеристики высказывания и на этом основании принимается определенное решение.

Ситуативная пресуппозиция обладает двуплановым характером. С одной стороны она коррелирует с социальной ситуацией речевого акта, а с другой стороны она соотносима с уместностью формы произнесения конкретного высказывания в реальной ситуации речевого общения (подробнее см.: Романов, 2005:105-106).

Опора на указанные пресуппозиционные факторы функционирования дискурсивных практик позволяет определить их коммуникативную справедливость. Например, практика (2) «*Я вернусь через полчаса*» будет считаться коммуникативно справедливой, если она употреблена в речи как обещание и оба коммуникантов знают на основе учета фактора темпоральной пресуппозиции, что ее автор может выполнить данное действие через указанное время. Также она будет справедливой в функции угрозы, когда развитие ее сценарного фрейма может быть представлено как для его автора, так и адресата в виде известной им антецендентно-консеквентной цепочки: «*Если ты не выполнишь требуемые действия, то через полчаса я вернусь и последует наказание за известный тебе проступок*». Однако эта же практика (2), реализованная в функции обещания, будет считаться коммуникативно несправедливой, если ее автор знает, что данное действие не может быть им выполнено через указанное время. Кроме того, практика (2) будет несправедливой в функции угрозы, когда адресату неизвестен проступок или он его не воспринимает как таковой, а также когда ему неизвестны (непонятны) каузируемые данной угрозой действия.

Особое значение в комплексе объективных пресуппозиционных факторов действительности необходимо придавать такому прагматическому фактору как *социальный статус* партнеров по общению. Рассмотрим следующий дискурсивный фрагмент (3):

– *А ты, например, чего такой кислый? (I')*

– *А ты кто такой, чтобы допрос мне устраивать? (Ia')* (Шукшин, 2015)

Реплика (*I'*) *А ты, например, чего такой кислый?*, являясь коммуникативно справедливой для ее автора, обладающего более высоким социальным статусом, воспринимается адресатом как несправедливая. Подобное разногласие в толкованиях одного и того же высказывания показывает, что категория коммуникативной справедливости применима к каждому из собеседников по отдельности, так как коммуникация представляет собой двусторонний процесс обмен, в котором отражаются субъективные мнения обоих собеседников. Причиной различного (и даже противоположного в данном случае) толкования одной и той же дискурсивной практики автором и адресатом является нарушение автором принципа прагматической пресуппозиции, когда он задает собеседнику (незнакомому человеку) вопрос, запрашивающий большее количество информации, чем требовалось для согласованного продолжения дальнейшего диалогического взаимодействия (подробнее о согласованном диалогическом взаимодействии см.: Романов, 1988; 2005). Важно указать, что адресат в момент реплики (*I'*) не знает социальный статус собеседника (более высокий) и, следовательно, считает реплику неуместной со стороны незнакомого человека, а также неуместной именно в данном месте (локальная пресуппозиция) и в данной ситуации (ситуативная пресуппозиция). Адресат в ответной реплике (*Ia'*) ссылается на неправомерность заданного ему вопроса, указывая на социальный статус инициатора вопроса (*А ты кто такой ... ?*).

Другим существенным моментом рассматриваемого примера (3) является то, что в нем отчетливо прослеживается возникновение коммуникативного рассогласования на стыке репликовых шагов (*I'*) и (*Ia'*), причиной которого является коммуникативная несправедливость реплики (*I'*) для ее адресата. Подобный коммуникативный «сбой» определяет то положение, что коммуникативная справедливость является значимым *прагматическим* фактором успешности взаимодействия собеседников. Следовательно, в основе коммуникативной разновидности категории справедливости лежит учет интенциональности речевой деятельности субъектов взаимодействия и результативности предполагаемого прагматического воздействия высказывания.

Рассмотренные примеры и признание существования категории коммуникативной справедливости правомерно поднимают вопрос о том, что же конкретно понимается под коммуникативно справедливыми речевыми практиками (или речевыми практиками коммуникативной справедливости) и дискурсом коммуникативной справедливости. Так, ***речевая практика коммуникативной справедливости*** представляет собой такое речевое произведение, автор которого выражает свое коммуникативное намерение с учетом всех известных ему фактуально-объективных (пресуппозиционных) условий действительности и преднамеренно не изменяет содержание и

интенциональную направленность своего высказывания с целью установить комфортное или дискомфортное положение дел для адресата, но выгодное для его автора. Основываясь на этом определении можно утверждать, что коммуникативная справедливость речевой практики *начинается формироваться* именно на иллокутивном уровне функционально-семантического представления репликового шага, так как указанный уровень является доминирующим над другими уровнями (манифестационным, тематическим) и опирается на тематическое содержание такого шага и его языковую форму выражения (Романов, 1986; 1988: 40). Кроме того, коммуникативная справедливость реплики определенного прагматического фрейма (типа) основана на функционировании этой реплики в тех или иных пресуппозиционных условиях действительности, что исключает возможность ее дополнительной коннотации с иллокутивным потенциалом реплики какого-либо другого типа или субтипа прагматического фрейма.

Становится понятным, что в интерактивном взаимодействии коммуникативно справедливо учитывать объективные факторы действительности и отдавать им приоритет, даже в тех случаях, когда это будет причиной возникновения некомфортного состояния партнера / ов по общению. В этом плане отказ адресанта от введения собеседника в состояние дискомфорта, проявляющийся, например, в выражении жалости или желания умолчать известные факты станет причиной несправедливой коммуникативной практики, так как говорящий для ее реализации будет вынужден скрыть известные ему пресуппозиционные условия действительности и изменить содержание своего высказывания. Важно иметь в виду, что и целенаправленные реплики инициатора, способствующие возникновению дискомфортного эмоционального состояния у собеседника из-за необоснованного нагнетания обстановки, будут также считаться коммуникативно несправедливыми.

Опираясь на выше сказанное о роли пресуппозитивных факторов в определении коммуникативной справедливости дискурсивных практик, представляется возможным заключить, что последовательность коммуникативно справедливых речевых практик (коммуникативно-социальных действий) партнеров по общению, каждое из которых основано на согласованном синергичном продвижении к достижению поставленных целей диалогического кооперативного взаимодействия, а также учете коммуникативной организации объективных факторов действительности, представляет собой *дискурс коммуникативной справедливости* (или *коммуникативно справедливый дискурс*). Действительно, данный тип дискурса фактуален и, несомненно, имеет право на существование, так как обладает своей функциональной спецификой и представляет собой сложное, многостороннее структурно-семантическое и коммуникативно - прагматическое образование, требующее комплексного лингвистического описания. Данный тип дискурса занимает особое место в структуре других типов дискурса в связи с его специфическими целями и применимостью в различных сферах деятельности человека. Так, его основная функция

заключается в регулировании отношений между коммуникантами в различных интерактивных ситуациях и установлении (или поддержании) такого типа отношений, в котором коммуниканты смогут синегрийно продвигаться к намеченному результату. Как уже отмечалось, реплики различной иллокутивной направленности формируют коммуникативное пространство справедливого дискурса, в связи с чем его содержательные рамки не ограничены тематикой какой-либо одной сферы применения.

Предложенный функционально-прагматический ракурс рассмотрения феномена коммуникативной справедливости, основанный на учете собеседниками следующего комплекса факторов: 1) организации коммуникативного поведения партнеров, 2) иллокутивных характеристик высказывания, 3) средств поверхностной манифестации высказывания, 4) семантических свойствах, 5) пресуппозиционных параметров высказывания, а также 6) прагматических характеристик высказывания, предоставляет перспективу для описания сущности функционирования коммуникативно справедливых дискурсивных практик в социальном взаимодействии. Кроме того, указанный ракурс дает возможность с новых позиций затронуть вопросы эффективности речевой коммуникации, ибо, как показали рассмотренные примеры, только практика коммуникативной справедливости способствует согласованному продолжению диалогического взаимодействия собеседников, в то время как коммуникативная несправедливость является причиной возникновения коммуникативного рассогласования или сбоя. В этом плане особую практическую значимость приобретают вопросы критериев безошибочного и однозначного определения коммуникативной справедливости высказываний в условиях интерактивного взаимодействия, что требует отдельного обсуждения.

Тем не менее, с указанных позиций можно утверждать, что категория коммуникативной справедливости *заключается в прагматическом аспекте установления отношений между коммуникантами по поводу общего вклада в диалог* и применима как к инициатору, так и адресату речевого сообщения. Это утверждение снимает те противоречия, когда одно и то же высказывание может быть справедливым лишь для одного из собеседников, а также справедливым в одной сфере и несправедливым в другой. Действительно, как было показано выше, в социальном взаимодействии трудно четко разграничить не только сферы деятельности представителей общества как говорящих субъектов, так как эти сферы тесно взаимосвязаны между собой, но еще труднее разграничить типы категории справедливости, применимые в той или иной сфере. Однако, возвращаясь к категории коммуникативной справедливости как категории, устанавливающей определенные отношения между коммуникантами, отметим, что, если отношения между ними справедливы, то и формы их коммуникативного взаимодействия, отражающие эти отношения, будут коммуникативно справедливы.

Возможно предположить, что необходимости в выделении категории коммуникативной справедливости могло не быть, если бы коммуниканты в каждом конкретном случае в рамках некоторого сценария интерактивного

взаимодействия не оценивали вклад в диалогический обмен каждого из собеседников по шкале «справедливо» - «несправедливо», основываясь на маркировке их коммуникативных действий и построении отношений между ними. Следовательно, возвращаясь к идеям Платона, еще раз отметим, что *«слово - тот инструмент, с помощью которого справедливое отделяется от несправедливого»*.

Литература

1. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. С. А. Жебелева; Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 375 – 644.
2. Дарендорф Р. Справедливость без оков зависимости // Коммунист. – М., 1990. – № 16. – С. 17–31.
3. Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс Традиция, 1998. – 248 с.
4. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография / Г. Ю. Канарш. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 236 с.
5. Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции // Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН. – 2001.
6. Литвиненко Н. Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. – 2006. – №1 (52). – С. 26 – 34.
7. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
8. Новоселова О.В. Коммуникативные маркеры дискурса угрозы // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010. – № 3. – С. 20-26. - Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
9. Новоселова О.В. Коммуникативное пространство композитных перформативных угроз // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т.1. – №4. – С. 182-190.
10. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. – № 3. – С. 72-84. - Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
11. Новоселова О.В. Функционально-семантическая интерпретация менасивных топонимов в социальной интеракции // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2014. – № 2. – С. 68 – 77. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>.
12. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
13. Платон. О справедливости // Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 549 – 556.

14. Рикёр П. Справедливое / Пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. – Москва: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос", 2005. – 304 с.
15. Ролз Д. Справедливость как честность // Логос. – 2006. – №1 (52). – С. 35-60.
16. Романов А.А. Уровни функционально-семантического анализ текста // Текст, контекст, подтекст. – М., 1986. – С. 10-17.
17. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
18. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – Москва: Институт языкознания РАН, 2005. – 153 с.
19. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная топонимия практик-угроз // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2012. – № 3. – С. 67 – 78. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>.
20. Романов А.А., Новоселова О.В. Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2012а, №3. – С. 6-16.
21. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). – Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. –168 с.
22. Романов А.А., Новоселова О.В. Топонимия психологического пространства вербальных практик-угроз // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2013а, № 2. – С. 20-32.
23. Романов А.А., Новоселова О.В. Семиопсихологическая интерпретация менасивных топонимов // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2014, № 1. – С. 7-17.
24. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. - М.: ИЯ РАН, 2009. - 180 с.
25. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: "КАНОН-пресс", "Кучково поле", 1998. – 416 с.
26. Штраус Л. Введение в политическую философию. – М.: Логос. – 2000. – 364 с.
27. Ackerman B. Social Justice in the Liberal State. – New Haven: Yale University Press, 1980. – 464 p.
28. MacIntyre A. Whose justice? Which rationality? – L.: Duckworth, 1988.

Источники примеров

Шукшин В. Классный водитель [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fanread.ru/book/329208>, дата обращения 21.01.15.

(0,9 п.л)